
УЗБЕКИСТАН

УЗБЕКИСТАН

BACKGROUND?

Узбекистан относится к числу самых репрессивных государств постсоветского пространства. Эта страна получила независимость в 1991 году в результате распада СССР. Именно тогда государство возглавил Ислам Каримов, который до сих пор находится у власти, благодаря установленному им авторитарному режиму. Все партии и оппозиционные движения запрещены, малейшая диссидентская деятельность подавляется и любые попытки разоблачения практик режима со стороны правозащитников или журналистов сурово наказываются. С 2011 года на территории страны прекратили свою деятельность какие-либо неправительственные организации.

Несмотря на утверждение международных конвенций по правам человека и внесение в государственное законодательство совокупности норм, направленных на защиту личной свободы, ситуация с основными правами человека остается критической. Она резко ухудшилась после событий в Андижане в 2005 году, когда в городе прошли демонстрации в знак протеста против безработицы, репрессий режима и судебного преследования нескольких десятков мелких предпринимателей. Отряды спецподразделений, направленные к месту событий в сопровождении бронетехники, учинили кровавую расправу над демонстрантами. Погибли сотни людей. Впоследствии не было проведено ни единого независимого расследования и жертвы по-прежнему ожидают справедливости и правосудия. Это кровопролитие лишь усугубило репрессии, безнаказанность и безмолвие в стране.

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ПЫТОК

За последние пять лет Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ) вынес решение по нескольким десяткам дел об экстрадиции в Узбекистан и заключил, что применение пыток в стране остается «систематическим», «безнаказанным» и «поощряемым»¹. Тем не менее представители властей продолжают отрицать использование подобных практик.²

Жертвы

Практика применения пыток в Узбекистане затрагивает любого подозреваемого в совершении правонарушения и является стандартным методом расследования преступлений. Она также направлена против лиц, обвиняемых в причастности к деятельности оппозиционных политических партий, как например членов и сторонников «Эрк» и «Бирлик» (двух нерелигиозных оппозиционных политических партий), или запрещенных религиозных организаций. Фактическое или предполагаемое участие в запрещенном исламистском движении (Исламское движение Узбекистана, Союз Исламского Джихада, Хизб ут-Тахрир, и т.д.) повышает риск пыток или жестокого обращения в случае тюремного заключения. Мусульман, которые практикуют свою религию вне контролируемых государством организаций, но не имеют никакого отношения к данным исламистским движениям, тем не менее арестовывают на таких сомнительных основаниях, как «диверсионные действия», «попытка свержения конституционного порядка» или «антиправительственная деятельность», и пытаются в местах заключения. Задержанные активисты в области прав человека и независимые журналисты систематически подвергаются пыткам или жестокому, бесчеловечному и унижающему достоинство обращению.

60-летний Мухаммед Бегьянов — журналист и видный член оппозиционной политической партии «Эрк». В 1999 году он был задержан и временно помещен под стражу, где его пытали и принуждали к признанию вины в целях приговора к тюремному заключению. Его пытали электрическим током, а также подвергали ударам дубинками и пластиковыми бутылками, наполненными водой. Его неоднократно душили с помощью пластикового пакета. Все это время его содержали в одиночном заключении, при этом силовики также угрожали изнасиловать его жену. По данным правозащитной организации АСАТ (Французские активисты против пыток), после приговора к тюремному заключению его продолжали подвергать унижениям и побоям, а также отказывали в пище, медицинской помощи и посещениях членами семьи. В течение 16 лет, проведенных в тюрьме, состояние его здоровья серьезно ухудшилось.

Лица, покинувшие страну и ищущие убежища за границей, подвергаются высокому риску применения пыток в случае их возвращения на территорию страны, в связи с чем ЕСПЧ неоднократно запрещал выдачу лиц Узбекистану. Эти решения касались, в частности, лиц, обвиняемых в принадлежности к исламистским партиям или запрещенным в стране группам. Узбекские власти постоянно требуют экстрадиции лиц, бежавших за границу и, порой, получивших убежище, — иногда похищая их непосредственно на иностранной территории. В 2012 году организация АСАТ побудила Комитет ООН против пыток принять решение, гласившее, что «экстрадиция государством-участником [в этом случае Казахстаном] жалобщиков в Узбекистан является нарушением статьи 3 [запрет пыток]». Организация АСАТ представляла интересы 29 беженцев или лиц, ищущих убежища в Казахстане. Как мусульмане, практикующие свою религию в организациях, не полностью подконтрольных государству, эти люди были задержаны и иногда подвержены пыткам, в связи с чем они решили бежать с территории Узбекистана. В июне 2011 года они были принудительно возвращены в страну своего происхождения, несмотря на очевидный риск применения пыток. Комитет против пыток наряду

с Комитетом по правам человека ООН, а также Европейский Суд по правам человека выразили большие сомнения по поводу вероятности соблюдения и надежности дипломатических заверений*, предоставленных узбекскими властями, полагая, что последние не гарантировали защиту от пыток.

Что касается этих 29 лиц, экстрадированных в Узбекистан, то организация АСАТ получила достоверную информацию о применении пыток после их возвращения на территорию страны. «В ходе расследования нас подвергали страшным вещам. Нас пытали самыми разными способами. В частности, нас пытали электрическим током на электрических стульях. Подобное обращение продолжалось и после вынесения приговора. [...] Нас душили натянутыми на лицо полиэтиленовыми пакетами. Пакет держали закрытым в течение длительного времени до полного одушья и затем открывали, чтобы мы смогли восстановить дыхание. И затем процесс возобновлялся. Это было просто ужасно». В результате давления со стороны организации АСАТ, казахские дипломаты встретились с 18 жалобщиками в августе 2012 года, то есть после 14 месяцев содержания в одиночном заключении. Единственной целью этих визитов было получение подписей заключенных на предварительно составленных заявлениях, где было сказано, что их не подвергали пыткам и что условия их тюремного заключения являются надлежащими. Организация АСАТ получила информацию, свидетельствующую о том, что жалобщиков пытали и угрожали расправой в случае отказа от подписания данных документов. В ходе рассмотрения доклада Узбекистана в Женеве в ноябре 2013 года, Комитет ООН против пыток потребовал предоставить дополнительную информацию, поинтересовавшись, было ли проведено расследование обвинений в применении пыток и жестоком обращении в отношении этих лиц. Узбекистан хранил молчание

Исполнители и места пыток

Следователи, полицейские, представители органов безопасности, подведомственные Министерству внутренних дел (*Uchki Ishlar Vazirligi*), тюремный персонал и агенты разведывательной службы (*Milliy Xavfsizlik Xizmati* (МХХ) или службы национальной безопасности, бывшего КГБ) — главные действующие лица в этой системе применения пыток.

В качестве мест для пыток используются служебные помещения под юрисдикцией этих органов: полицейские участки, офисы Департамента внутренних дел, где арестованных помещают в камеры предварительного заключения (КПЗ) или изоляторы временного содержания, подведомственные министерству внутренних дел (ИВС), а также в следственные изоляторы (СИЗО).

Применение пыток регулярно практикуется в исправительных колониях. Среди них следует особо выделить колонии в городах Жаслык, Навои, Карши, Ангрен, Каттакурган, Чирчик и Каракуль. Этот список, разумеется, не является исчерпывающим, поскольку применение пыток и жестокое обращение, к сожалению, — рутинное, ежедневное и привычное явление в колониях. Жертвами также были упомянуты штаб-квартира Службы национальной безопасности в Ташкенте и Бухаре, а также

секретная тюрьма в г. Чирчик.

Сами условия содержания заключенных в узбекских тюрьмах, не говоря уже об умышленных побоях, сродни бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или даже пыткам. Большинство тюрем переполнены. Эти объекты были построены в советское время и на их территории ни разу не проводились ремонтные работы. Санитарно-гигиенические узлы находятся в отвратительном состоянии и их количество ограничено. Заключенным подают пищу плохого качества и недокармливают, а еда, которую приносят члены семьи, часто конфискуется тюремной администрацией. У многих заключенных нет сменной одежды, поэтому им приходится носить одну и ту же одежду на протяжении нескольких месяцев. Летом в камерах заключения температура достигает очень высоких градусов; в зимний период в камерах, наоборот, очень холодно, поскольку отсутствует отопление. К этому следует добавить плохую вентиляцию, недостаточное поступление свежего воздуха, повышенная влажность и серьезные проблемы в области охраны здоровья (ограниченный доступ к медицинскому обслуживанию и плохие санитарно-гигиенические условия), что способствует распространению инфекционных заболеваний, а именно туберкулеза. В колониях практикуется принудительный труд, от которого обычно освобождены заключенные с плохим состоянием здоровья, за исключением политических заключенных. Все эти условия повышают уровень смертности среди заключенных.

Методы и цели

В свидетельских показаниях упоминаются различные методы пыток: удары и побои, в том числе дубинками, металлическими прутьями или наполненными водой бутылками, при этом заключенные находятся в наручниках или свисают вниз головой с прикрепленных к потолку крючков; удушье с помощью пластикового пакета или противогаза с заблокированным подводом воздуха; применение электрического тока на всех участках тела; подвешивание за ноги или руки в течение длительного времени; вырывание ногтей или введение иглы под ногти пальцев рук или ног; нанесение ожогов сигаретами или кипящей водой. Зимой заключенных раздевают догола и оставляют в течение длительного времени под воздействием отрицательной температуры. Также практикуется изнасилование и сексуальная жестокость. Это всего лишь часть из полного перечня пыток, составленного организацией АСАТ с рассказов жертв.

За последние несколько лет организация АСАТ неоднократно получала информацию, свидетельствующую о принудительной стерилизации. По словам Мутабар Таджибаевой, она стала жертвой данной процедуры во время тюремного заключения в 2008 году. В декабре 2012 года она подала жалобу в Комитет ООН по правам человека.³ Журналистское расследование, организованное каналом Би-би-си, выявило подобные случаи в разных регионах, в том числе в сельской местности. Под давлением Министерства охраны здоровья и местных здравоохранительных органов врачи были вынуждены проводить процедуры стерилизации на женщинах, которые не были об этом инфор-

мированы и не дали свое согласие. Власти официально отрицают применение подобных практик.⁴

Помимо физического насилия также применяются методы психологического давления: унижения, угрозы репрессий против родственников заключенных, запрет на посещения, ущемление свободы вероисповедания, и т.д. Жертву могут поместить на длительное время в одиночную камеру. В таком случае ее на протяжении недель или даже месяцев лишают связи с адвокатом, членами семьи или любым другим лицом за пределами тюрьмы. Среди менее распространенных методов следует отметить помещение в психиатрическую больницу или принудительное введение психотропных препаратов. Символическим примером существования подобных практик является судьба журналиста Джамшида Каримова, заключенного в психиатрической больнице в Самарканде с 2006 по 2011 год. Правозащитница Елена Урлаева также была несколько раз принудительно помещена в психиатрическую больницу с начала 2000 года и затем снова в 2014 году. Она утверждает, что ее заставляли принимать психотропные препараты, название, назначение или основание для применения которых она не знала.

По данным организации АСАТ, в последние годы также регулярно практикуется необоснованное и произвольное продление тюремного заключения политических оппонентов, правозащитников или журналистов. После многих лет или даже десятилетий, проведенных в тюрьме, тюремные власти обвиняют заключенных в незначительных внутренних правонарушениях, в результате чего им приходится отбывать дополнительный срок тюремного заключения. Такое продление срока тюремного заключения, обычно на несколько лет и на основании таких абсурдных обвинений, как «не отреагировал достаточно быстро на приказ надзирателя встать» или «плохо очистил морковь», оказывает разрушительное воздействие на этих людей. Пребывая в морально сокрушенном состоянии из-за длительного заключения и потеряв всякую надежду, они иногда кончают жизнь самоубийством в своей камере.

В марте 2014 года защитника прав человека Ганихона Маматханова должны были освободить из тюрьмы после пяти лет лишения свободы. Тюремная администрация информировала его сына о продлении срока тюремного заключения на три года в связи с тем, что он три раза «отправился в санузел без разрешения». 61-летнему бывшему депутату Муроду Джураеву, осужденному в 1995 году, продлевали срок тюремного заключения четыре раза – в 2003, 2006, 2009 и 2012 году. В качестве основания для приговора к дополнительному сроку заключения используются несущественные и к тому же, очевидно, выдуманные предлоги: вход в спальное помещение без предварительной смены обуви; обмен чайных листьев на табак; курение за пределами специально предусмотренного для данных целей помещения. В результате продления срока тюремного заключения четыре раза подряд, он провел в тюрьме уже около 20 лет, хотя изначально был приговорен к 12 годам лишения свободы. По словам его родственников, он потерял всякую надежду на освобождение.

Пытки применяются для принудительного получения признаний в ходе расследования или с целью сбора ложных показаний и информации о третьих лицах, подозреваемых в принадлежности к запрещенным партиям или движениям. Для поощрения этой практики используется система продвижения по службе, напрямую зависящая от количества закрытых дел. Таким образом, человека

могут пытаться и заставлять «признаться» в совершении преступления, полностью сфабрикованного представителями сил безопасности. Эти методы также используются, чтобы заставить замолчать критиков, а также в качестве репрессивной меры и наказания за ведение активной деятельности в политической, религиозной сферах и в области защиты прав человека, например, посредством убийства независимых представителей гражданского общества, таких как Абдурасул Худойназаров. Будучи защитником прав человека и президентом филиала НПО «Эзгулик» в г. Ангрэн, он боролся с коррупцией в правоохранительных органах. Он был арестован в 2005 году под ложным предлогом и приговорен в 2006 году к девяти годам лишения свободы. В 2008 году, после невыносимых пыток и жестокого обращения в тюрьме, он объявил голодовку и затем попытался покончить с собой. По заявлению ООН его необоснованно приговорили к тюремному заключению в качестве акта возмездия за его деятельность в области защиты прав человека. Он скончался в июне 2014 года, после того, как ему отказали в какой-либо медицинской помощи в тюрьме.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Узбекские власти, которые до сих пор не осудили применение пыток публично, отказываются выполнять свои международные обязательства по предотвращению и борьбе с данной практикой. Даже в самых высоких эшелонах государственной власти отсутствует какое-либо желание бороться с этим укоренившимся явлением. Узбекские чиновники расценивают каждый доклад о применении пыток или нарушениях прав человека как «политически мотивированный», в том числе доклады ООН.

Юридическое осуждение

Узбекистан утвердил Конвенцию ООН против пыток в 1995 году. Понятие пыток определено в статье 235 Уголовного кодекса Узбекистана. Но этого определения по-прежнему остается недостаточно. Поскольку оно не учитывает те действия, которые совершают лица, действующие в официальном качестве, но не числящиеся на государственной должности; например, действия, совершенные по подстрекательству, с согласия или одобрения государственного должностного лица (ср. заключенный бьет своего сокамерника по подстрекательству тюремных надзирателей). Оно также не подразумевает ответственности государственного должностного лица, осведомленного о применении пыток или одобрявшего применение пыток. В 2008 году Верховный Суд принял решение, согласно которому определение, приведенное в Конвенции ООН против пыток, имеет приоритет над государственным законодательством и должно учитываться национальными судами.⁵ Тем не менее это решение не реализуется на практике. По мнению узбекских адвокатов и защитников прав человека, о нем не знают ни судьи, ни следователи, ни сотрудники органов безопасности.

Получение признаний под пытками запрещается, в частности, статьями 88 и 94 Уголовно-процессуального кодекса и в соответствии с решением Верховного Суда.⁶ Тем не менее судьи про-

должают использовать такие признания, зачастую в качестве единственного правового основания для вынесения приговора. В соответствии со статьей 173, если судья обнаружил видимые следы побоев или травм, то он обязан запросить судебно-медицинскую экспертизу. Однако это положение практически никогда не реализуется на практике.

В случае если последствия преступления сочтены «тяжелыми», то максимальное наказание, предусмотренное статьей 225, составляет 8 лет лишения свободы. В остальных случаях преступление наказывается лишением свободы сроком от трех до пяти лет. Такое наказание является слишком легким и не соответствует тяжести совершенного преступления.

Узбекистан неоднократно сталкивался с проверкой органами ООН, при этом узбекские власти отрицали или сильно преуменьшали масштабы практики применения пыток. Несмотря на неоднократные обращения, правительство запрещает визиты независимых экспертов и специальных докладчиков ООН, в том числе докладчика по вопросам применения пыток (который осуществил свой последний визит в 2002 году, после чего ему отказывают в посещениях).

Преследование виновных в применении пыток

В большинстве случаев власти не проводят расследование по факту обвинений в применении пыток. Ни политическая, ни судебная стороны не желают преследовать виновных в применении данной практики ввиду их принадлежности к аппарату государственной власти.

С 2010 года были приняты различные законодательные и судебные реформы, направленные на укрепление правовых гарантий лиц, лишенных свободы, и предотвращение практики применения пыток. Однако этих мер не только оказывается недостаточно, но к тому же, они не реализуются на практике.

В Узбекистане очень сложно подать жалобу. В стране не существует никакого независимого механизма для расследования жалоб о применении пыток государственными чиновниками. Жертвы должны обращаться к руководителям предполагаемых исполнителей пыток или в прокуратуру. Последняя подчиняется Президенту Республики и отвечает как за предварительное расследование по уголовным делам, так и за представительство государства в суде, что подразумевает конфликт интересов. Прокуратура не желает начинать судебное разбирательство по факту применения пыток, хотя использует полученные с помощью этого метода признания в другом уголовном деле.

Быть адвокатом-защитником — очень трудная задача. Право на адвоката является одной из основных судебных гарантий, которая, тем не менее, постоянно нарушается в делах, связанных с применением пыток. Родственники жертв пыток, нанимающие независимого адвоката, становятся в свою очередь жертвами давления со стороны сил правопорядка, которые заставляют их пересмотреть

свое решение и нанять адвоката, подчиняющегося негласным правилам системы: последние закрывают глаза на доказательство пыток и стараются склонить своих клиентов к «сотрудничеству» со следователями. Законодательные реформы последних годов поставили под угрозу независимость адвокатуры, которая сегодня полностью подконтрольна Министерству юстиции. Уже неоднократно поступала информация о том, что органы безопасности не позволяют независимым адвокатам встретиться с их клиентами, находящимися под арестом или в тюрьме, или направляют их в другое место заключения, чтобы отвлечь внимание. То же самое касается судебного слушания: адвокатам не всегда направляется уведомление о дате и месте проведения слушания, от участия в котором их таким образом отстраняют. Наконец, у многих из них отобрали лицензии, лишив их возможности исполнять свои обязанности.

В стране отсутствует какая-либо система инспекторских проверок мест тюремного заключения. Ни одна неправительственная организация не может попасть на территорию тюрем. Соответствующими полномочиями в этом вопросе обладал в свое время Международный Комитет Красного Креста (МККК). Тем не менее, в апреле 2013 года, он был вынужден прекратить посещение узбекских тюрем, поскольку организовывать встречи с заключенными в соответствии с установленной процедурой Комитета больше не представлялось возможным. За несколько лет до этого организация АСАТ получила информацию о том, что во время посещений МККК, заключенных прятали или переводили в другие тюрьмы. Также сообщалось, что в преддверии таких посещений тюремная администрация создавала атмосферу страха, подвергая заключенных суровым наказаниям, чтобы отбить у них всяческое желание рассказывать представителям Комитета о нарушениях. Иногда после посещения тюрьмы представителями МККК заключенных могли подвергнуть коллективному наказанию в виде репрессивных мер.

Согласно официальной статистике, с 2010 по 2013 гг. власти зарегистрировали 336 жалоб на применение пыток и жестокое обращение со стороны представителей органов безопасности. В течение того же периода, 45 человек были привлечены к ответственности и осуждены за пытки.⁷ В общественном доступе отсутствует какая-либо информация, позволяющая проверить эти цифры, а также узнать, почему в 87% случаев по факту жалоб не было проведено расследование или вынесен приговор. Нигде не упоминается количество приговоров к тюремному заключению или выплата штрафа, вынесенных судьями в отношении виновных в применении пыток. Также отсутствует какая-либо информация о продолжительности сроков заключения или количестве заключенных, получивших амнистию.

Все эти меры приводят к почти полной безнаказанности исполнителей пыток в Узбекистане, способствуя дальнейшему существованию практики применения пыток, которая используется намного более распространено и систематически, чем на то указывают опубликованные властями официальные данные.

-
- [1] См., например, дело *Якубов против России* (жалоба №7265/10, постановление от 8 ноября 2011 г., §82)
- [2] «Необходимо отметить, что обвинения правоохранительных органов Узбекистана в многочисленном применении пыток в отношении задержанных являются голословными», – заявил узбекский дипломат в ноябре 2013 года в ходе рассмотрения ситуации в Узбекистане Комитетом ООН против пыток. Комитет Организации Объединенных Наций против пыток, *Information received from Uzbekistan on follow-up to the concluding observations* (Полученная от Узбекистана информация о последующих мерах в связи с заключительными замечаниями), апрель 2014, CAT/C/UZB/CO/4/Add.1 §17
- [3] *Mutabar Tadjibayeva v. Republic of Uzbekistan*, Individual Communication to the United Nations Human Rights Committee (Мутабар Таджибаева против Республики Узбекистан, Индивидуальная жалоба в Комитет ООН по правам человека), 18 декабря 2012 г. http://www.redress.org/downloads/UN-HRC_-_Communication_Mutabar-Tadjibayeva-v-Uzbekistan_REDACTED.pdf
- [4] BBC World Service, Uzbekistan's policy of secretly sterilising women [Всемирная служба Би-би-си, Политика тайной стерилизации женщин Узбекистана], автор - Наталья Антелава <http://www.bbc.com/news/magazine-17612550>, апрель 2012 г.; Комитет ООН против пыток, Заключительные замечания по четвертому периодическому докладу Узбекистана, CAT/C/UZB/CO/4, декабрь 2013 г., §24.
- [5] Постановление Пленума Верховного Суда Республики Узбекистан от 14 июля 2008 г. «О судебной практике рассмотрения судами уголовных дел, связанных с предусмотренным в статье 235 Уголовного кодекса Республики Узбекистан применением пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и видов наказания».
- [6] Смотреть постановление Пленума Верховного суда от 19 декабря 2003 г. о практике применения судами законов, обеспечивающих подозреваемому, обвиняемому право на защиту
- [7] Узбекистан, ответы на вопросы Комитета ООН против пыток, CAT/C/UZB/Q/4/Add.2

ЛЕКСИКА

Дипломатические заверения

Дипломатические заверения – это формальные и неформальные соглашения, заключенные между двумя государствами и гарантирующие, что к лицу, выданному одним государством другому государству (в результате изгнания, принудительной высылки из страны, официального запрета на проживание на территории страны или экстрадиции), будут относиться с достоинством по прибытии в страну назначения. Эта практика используется такими государствами, как Россия, Германия, Великобритания, Италия, Испания, Франция, Швеция, в частности, против лиц, подозреваемых в терроризме, которые отправляются на территорию государства, практикующего пытки и жестокое обращение. Ссылаясь на дипломатические заверения, государства соглашаются обойти принцип невыдворения* и категорический характер запрета пыток. Эти договоренности не имеют никакой юридической силы и не дают никакой реальной гарантии для защиты возвратившихся лиц от риска применения пыток и жестокого обращения.

Заключение *incommunicado* с лишением права переписки и общения

Заключение *incommunicado* подразумевает запрет на общение заключенного с кем-либо за пределами места заключения. Единственным собеседниками заключенного являются его сокамерники (если заключенный не помещен в камеру одиночного заключения), охранники, лица, проводящие допросы и, при необходимости, представители юридических органов. Заключенный, как правило, не может ни встретиться, ни связаться с членами семьи, друзьями, адвокатом или врачом.